

Туманная степь. С десятков половцев, держа лошадей в поводу, бродят у подножия кургана, увенчанного каменной бабой, топчут высокую траву. У всех в руках сабли. Подскакивает верховой, кричит по-тюркски: «Ну что, нашли?» — «Следы ведут сюда. Вот конь его (неподалеку едва стоит совершенно изможденная степная лошадь). Он где-то рядом!» — «Посмотрите наверху! Сверху виднее!» Самый молодой поднимается на курган, бродит там, а потом кричит: «Идите сюда!» Все бегут на зов. Рядом с каменной бабой вниз уходит лаз катакомбы. «Ну что, Овлур, лезь и провьерь!» — «Сам лезь!»

Конник не слезая с лошади, кричит от подножия кургана: «Нашли время переписать! Овлур, скачи за копьём, за топором, за лопатами! И тряпок побольше!»

Русские корабли причаливают к берегу. Туман постепенно рассеивается. Их встречают воины сторожевого отряда, толпа половцев. Все возбуждены, кричат, машут руками. На высоте горит большой костер. Перед встречающими на конях — галицийский воевода Держикрай (по виду — хитрый хохол-усач с жестким лицом) и хан Ярун.

Ярун, увидев киевского князя со свитой, сходящего с одного из кораблей, выезжает вперед, от хана не отстают три воина-телохранителя. Ярун, по-русски:

— Здравствуйте, князь! А мы без вас тут побились немного! Эй, приведите пленных!

За спиной Яруна повторяют приказ по-тюркски.

Держикрай, повернувшись к одному из своих бояр, тихо говорит: — Ишь, молодой, спешит докладывать! Думает, что его похвалят.

Масса половцев расступается, вперед на веревках тащат десяток связанных татар, подгоняя их сзади плетью. Половцы, мимо которых ведут татар, тоже стараются их ударить палкой или плеткой, ругают их по-своему, требуют смерти. Одни из пленников идут понуро, не обращая внимания на удары, другие скалятся по-волчьи.

Киевский князь выходит на шаг вперед, рассматривает пленников, потом говорит громко, обращаясь и к своим, и к Яруну: — Пленных надо бы допросить.

Ярун: — Ты не знаешь их. Они не станут разговаривать.

Киевский: — Не бойся, мы их себе не заберем!

Ярун: — Я ничего не боюсь. Можешь вообще забрать их себе. Но говорить они не станут.

Мстислав Удалой, подходя: — А мы все-таки попробуем! Здравствуй, племянник!

В это время в задних рядах половцев нарастают шум и крики. Оттуда протискиваются несколько воинов на конях. Двое тащат за собой на веревках совершенно черного, обгоревшего человека, остальные заслоняют его конями от беснующегося половецкого войска. Подъехав к Яруну, один их всадников говорит по-своему:

— Нойона поймали. Огнем из ямы выкуривали.

Мстислав Киевский: — Это кто?

Ярун, по русски: Гем-бек. Сотник. Я его знаю. Он вырезал весь род Богучара. Остался один внук. Ему четырнадцать лет. И он будет мстить за всех!

Внезапно Мстислав Удалой быстро подходит к коню Яруна, жестом требует от того наклониться, быстро и внятно говорит:

— Ты сам же только что сказал, что можешь отдать нам этих! Так можешь или не можешь? Ты победил в бою, ты молодец, племянник! Но теперь ты все равно проиграл. Эти поганцы, наверное, понимают по-вашему. Они не станут говорить, видя, что их все хотят убить. А нам надо, чтобы говорили! Попытайся отвести невольников в сторону, убери войско назад!

Удалой возвращается, почтительно становится немного позади Киевского. Тот спрашивает с несколько фальшивой вежливостью: — Ты что говорил Яруну, брат?

— Я сказал ему, что он зря раззадорил войско. Теперь пленные будут молчать от страха.

У половцев в войске общий крик: «Мечь! Мечь!»

Ярун поворачивается к своим, поднимает руку. Крик не стихает. Хана окружают конные воины свиты и тысячники. На одном полюсе — половецкое войско, на другом — «лучшие» из половцев, между ними — жалкие связанные пленные.

За спинами половецких начальников пешие князя собрались в кружок голова к голове. Их быстро загораживают от союзников русские охранники. Ярун все ждет с поднятой рукой. Масса все требует мести. В кружке Мстислав Киевский говорит:

— Мы с братом Мстиславом думаем отдать пленных половцам, иначе и от них ничего не добьемся, и потеряем союзника. Ярун уже не сможет их успокоить!

Голоса князей: «Да, отдайте!» «Да, я согласен!» «Пусть сожрут, чтоб они подавились!»

Киевский выходит из группы князей, кричит хану:

— Ярун! (Тот, опустив руку, поворачивается.) Ваши пленные принадлежат вам! Делайте с ними, что хотите!

Ярун снова поднимает руку:

— Воины! Вы получите этих врагов для священной мести!

Радостный вопль сотен глоток. Половцы из свиты тащат связанных татар к войску. В войске — безобразная свалка, каждый хочет лично пнуть поверженного врага.

30

Корабли, лодки и плоты русских все причаливают и причаливают к берегу. Уже понемногу вечерет.

31

Холмистая степь. Утро. Дует-гудит ветер, волнуя ковыль. По небу несутся облака. Тени от облаков на степи. Выстраиваются в линию конные копейные дружины.

Впереди — князя в меховых шапочках с красным верхом. Вокруг каждого князя теснятся «старшие» бояре. Здесь же знаменосцы, трубачи. Шлемы у всех в руках. Щиты у левой ноги.

Одни дружины — латные, другие — в наборных доспехах, у третьих — больше кольчуг. На «зерцалах» кольчуг и доспехов священные изображения, множество орнаментов, тотемных символов, геральдических знаков.

Развеваются флаги со строгими ликами святых. Множество богато и разнообразно расшитых плащей, накидок. Разукрашенная сбруя, плотные яркие попоны с металлическими защитными и декоративными пластинами на лошадях. Белые, красные, синие, зеленые, золотые цвета, много черных доспехов. В нескольких местах перед строем ведут службу попы. (Молебен «На брань на супостата»). Воины стоят, спешившись, без шапок и шлемов, по паре отроков держат иконы.

Никак не может выстроиться половецкая конница, все сбивается в кучу. Здесь — обилие кожаных защитных одежд, немногие в кольчугах. Красные, коричневые, желтые одежды. Много орнаментов-аппликаций «звериного» стиля. Лица половцев не все монголоидные, много и вполне европейских, только черноволосых и смуглых. Среди воинов — немало христиан, которые демонстрируют свои кресты. У половцев немного копейщиков, они все в центре, вокруг своего вождя Яруна. Остальные — с луками и саблями.

На холме над речкой пешее ополчение по-прежнему окапывается, устанавливает ряды трехсаженных кольев, засыпает их землей из рва. Колья специально протесаны и подогнаны друг к другу. Обозы дружин — под прикрытием этого укрепления, ближе к речке.

От одной дружины к другой скачут посыльные, переговариваются с князем и на рысях возвращаются назад. Вот один из посыльных — знакомый нам отрок Мстислава, похожий на Скляра — молодецки подскакивает к князю соседней дружины, (Мстиславу Черниговскому) бородатому богатырю, издали начинает кричать: «Мой князь послал меня спросить тебя о здоровье!» И тише: «Скажи еще, пойдешь ли вместе с ним?» На ветру вьются длинные волосы парня, вьется плащ, вьются грива и хвост коня.

К князю сзади подъезжают два «старших» богатыря-боярина, тихо и почтительно что-то ему говорят. Вождь смотрит по сторонам, размышляет. Парень-посыльный улыбается, конь его пляшет.

«Скажи моему брату, что здоров, благодарю Бога! Я пойду вместе со всеми!» Посыльный корчит комичную гримасу, отъезжает резвой рысью. С другой стороны к князю уже подъехал другой посыльный — высокий меланхоличный блондин, отзывает его из группы бояр, они о чем-то беседуют, затем князь манит своего «отрока» (это молодой мужчина с внешностью Чапаева), говорит ему несколько слов, и посылает его вместе с блондином. «Отроки» скачут еще к одной дружине, где заканчивается богослужение, священник кропит воинов, те — крестятся.

Отрок Мстислава подскакивает с задорной улыбкой к Яруну, вождю половцев — тридцатилетнему атлету с внешностью казаха, но с бородой. «Мой князь спрашивает тебя о здоровье! Он говорит — ты должен идти первым!»

Половецкий хан не отвечает: он напряженно смотрит через голову отрока. Тот оборачивается. Примерно в двух километрах набирает разгон конница татар.

Все смотрят в одну сторону — князя, бояре, дружинники. Строители, устанавливающие частокол, останавливаются, тоже смотрят. Разные люди в разных местах повторяют одни и те же слова: «Копейщиков нет». «Копий нет». «Видишь — копий нет?» — «Вижу».

Те же самые слова на своем языке повторяют люди из свиты половецкого хана.

Копейщики за спинами свиты усмеваются, переглядываются. Отрок Мстислава снова повторяет хану: «Ты должен пойти первым!» Ярун: «Спроси Мстислава: он пойдет за мной!» Отрок: «Пойдет!» — «А ты спроси!» Отрок отворачивает, скачет к своим.

Священник торопливо уходит за ряды воинов, держа в руках кадило, ветер развеивает его рясу.

...Хан выводит своего отрока. Говорит по-тюркски: «Спроси, если я пойду, пойдет ли он за мной?» Отрок — задумчивый, невысокого роста, плотный — скачет в сторону, противоположную той, куда поехал отрок Мстислава.

Волынская дружина. Воины в латах. Черно-красно-белые тона одежды. К Даниилу подсказывает посыльный от половцев, типичный монголоид. Говорит, немного сбиваясь, по-русски: «Мой хан спросил: пойдешь, если он пойдет?» Даниил звонким голосом: «Трубач — ко мне!» Поворачивается к половцу: «И ты со мной!» Втроем они выезжают из рядов дружины в степь, становятся на пригорке. Гнется ковыль, пригорок с блестящими всадниками освещает из-за тучи солнце. Трубит рог.

Воины из разных дружин поворачивают головы к трем сияющим конникам. Половцы тоже глядят в ту сторону. Даниил смотрит на хана, достает нательный крест, поднимает его к небу, целует, прячет.

Три всадника скачут назад.

С другой стороны войска — тоже звук рога. Выехал другой князь с ханским посланцем, так же, как и Даниил, целует нательный крест.

Хан выезжает на несколько шагов перед своим войском. Разворачивается. Кричит по-тюркски:

— Здесь наша степь! Здесь наши пастбища! Здесь наши улусы! Здесь в земле лежат наши предки! Они были великие воины! Мы не звали сюда чужаков! Они сами пришли! И мы будем биться с ними! Пусть уходят к себе за Волгу! Да помогут нам наши великие боги! Да помогут нам духи наших славных предков!

Приближающаяся масса монголов разделилась на отдельные отряды. Передовой отряд, уже достаточно разогнавшись, по широкой дуге скачет к линии русских войск, у воинов в руках луки, поводья — в зубах. По бою барабана они разворачиваются в седлах, пускают стрелы высоко в сторону русских. Первый отряд уходит, на его место катится второй отряд.

Дружина Мстислава Удалого. Боярин из свиты говорит: «У них нет копейщиков!» Мстислав раздраженно: «Нет, потому что спрятали!» Все пристально смотрят на монголов.

Вид сверху. На одном из кругов три монгольские отряда встали в одну линию друг за другом.

Ярун, который до этого стоял перед половецкой дружиной, задом сдает к своим воинам и надевает шлем. Половцы кричат воинский призыв на тюркском языке. Половцы-христиане крестятся. Все вразнобой надевают шлемы. Хан двигается вперед. Его окружают копейщики. В хвост ханскому коню становится знаменосец с бунчуком. Все кричат воинский клич, начинают разбег с медленной рыси. Бьют барабаны.

Вид сверху: половцы идут наперерез трем монгольским отрядам.

У русских оживление. Бояре тыкают пальцами в степь. Выкрики: «Они остановятся там!» — «Сам вижу, не слепой!»

Дружина Даниила. Князь с непокрытой головой сидит в седле перед воинами. Молодое, ясное лицо, каштановые волосы развеивает ветер. Юный князь кричит звонким голосом:

— Братья и дети мои! Пришла на нас темная туча! Навалилась сила поганая! Пойду я на них, пусть меня Бог с ними рассудит! А вы думайте себе сами — что будете делать! Вы сами люди смысленые! Воины знатные!

Крики из дружины: «И мы с тобой!»

Даниил разворачивается, надевает шлем. Бояре кричат: «Князь надел шлем!»

Дружина моментально надевает шлемы, подвязывается ремешками.

...Вид сверху: оставшиеся два отряда татар пытаются зайти в тыл половецкому войску.

Снова дружина Даниила. Князь трогает коня. Бояре кричат: «Князь пошел в бой!» С разных сторон крики: «И мы с князем!» Трубят рога. Дружина выходит из общей линии войск, начинает, перестраиваясь, разгоняться. Волинцы становятся в три-четыре ряда журавлиным клином. Впереди — князь, знаменосец и лучшие воины. Копья подняты.

Дружина Мстислава Удалого. Князь провожает взглядом уходящих волинцев. Он выглядит печально-задумчивым и даже заторможенным. Как бы нехотя трогает коня, выезжает перед дружиной, кричит:

— Братья! Не с добром пришли сюда те неведомые толпы! И мы здесь не затем, чтобы смотреть на ристалище! Мы пришли, чтобы закрыть им пути на Русь! Или победим, братья, или честно сложим свои головы! Пусть вечно живет Русская земля! Да смилуется над нами Господь!

Князь крестится, разворачивается, надевает шлем.

Крики позади него: «Князь надел шлем!» Мстислав, подвязавшись, трогает коня. Крики: «Князь пошел в бой!» — «За князем!» Трубят рога. Дружина Мстислава с поднятыми копьями медленно покидает расположение русских войск.

...Еще один молодой князь (Олег Курский) выехал перед своей дружиной.

— Братцы мои! Ребята! Старшие князья пошли искать себе чести! Нам ли здесь отсиживаться! Пойду и я за ними! В ком нет страха — идем за мной! Христос будет с нами и святые отцы!

Крики: «Мы с тобой!» «Князь пошел в бой!» «За князем!» Гудят рога. ...Стоят дружины русских, между ними все так же мечутся посыльные.

Строители укрепления дружно навешивают через блоки узкий подъемный мостик...

...Разогнавшиеся половцы с громким свистом, криком, боем барабанов нагоняют пытающихся отвернуть монголов. Те, видя невозможность уйти, разворачиваются навстречу...

Гнется ковыль, гудит земля. Страшный грохот копыт тысяч коней. С трех сторон на сходящихся направлениях на тяжелых конях скачут русские дружины. Трепещут красные флажки-яловцы на шлемах, развеваются стяги со строгими святыми ликами. Вьются красные плащи, блестят бело-красные и золотые щиты. На бело-красных копьях — красные флажки. В масках и полумасках дружинники похожи на современных спецназовцев... Дикая какофония: грохот копыт, бой барабанов, рев труб...

...Общий вопль — столкновение половцев и монголов... Выглянуло солнце — блеск тысяч сабель. Монгольское войско остановлено.

...Мстислав Киевский и подручные его Андрей и Александр смотрят за боем с вышки за частоколом. Повторяют слово «остановились».

...Разогнавшаяся волинская дружина. Блеск шлема с инкрустированным изображением Спаса на князе. В ста шагах от толпы монголов волинцы разом опускают копьё. Страшный удар, треск копий, вопль, визг, ржание лошадей, задранные копыта в воздухе...

...На подходе стелются-несутся еще две дружины... Копья опускаются. Удар!

...Неровная линия оставшихся дружин. Все, как один, следят за боем. Но уже ничего не видно. Над местом побоища страшный шум, пыльный смерч. Ветер несет пыль в лица стоящих дружинников. Стоит князь — былинный богатырь (Мстислав

Черниговский), стоит князь, что целовал на глазах у всех крест... Пыль закрывает солнце.

...Бой на мечах и на саблях. Обе стороны демонстрируют мастерство фехтования. Кони топчут трупы и раненых.

...Один дружинник ловко размахивает двумя топорами — правой и левой рукой, парирует удары, наносит удары... Неподалеку от него его товарищ так же легко машет палицей — вот, не попав по всаднику, убивает коня под ним. Противник проваливается.

Вид сверху: русские и половцы наполовину окружили и теснят монголов. От монгольского войска отделяются несколько всадников и пытаются уйти. За ними гонятся 5—6 русских.

Бешеная скачка по весенней степи. Беглецы держат направление на высокий курган, увенчанный большой половецкой каменной бабой.

Метров за 500 от скачущих из-за бабы выходит кавалерист в малахае и быстро скачет с холма.

С соседнего холма за одиноким беглецом наблюдает группа монголов в броне. Один из них — Субедей-багатур, старик со сморщенным лицом, непокрытой головой, жидкая черно-седая косица свешивается чуть ли не до пояса. Старик поворачивает голову, говорит одно слово: «Наступление!» Один из всадников быстро поднимает вверх бунчук. На ветру плещется полотнище в шахматную клетку (как на польских кокардах). Через три-четыре секунды возникает и нарастает отдаленный рокот — то ли футбольный матч на стадионе, то ли работают много тяжелых прессов.

Русские вслед за удирающими от них татарами вскакивают на курган с половецкой каменной бабой, видят вдаль огромную массу татар, разворачиваются, изо всех сил скачут назад.

Наступление татар. Медлительный центр с копейщиками в китайской броне — «куяках». Резвые фланги, состоящие из легкой кавалерии.

...Бой продолжается. Русские и половцы одолевают. Путь для отступления у татар нет. Наравне со своими дружинниками машет мечом князь Даниил. С боков его прикрывают «отроки» и старшие бояре. За князем, как привязанный, едет знаменосец.

Внезапно Даниилова коня хватает за поводья невесть откуда взявшийся пехотинец. Один из бояр кричит: «Князь! Уходим, уходим!» Даниил оборачивается, не понимая.

На горизонте — темная полоска атакующих татар. Бояре выводят Даниила из свалки. По пути к этой группе всадников присоединяются все новые и новые воины. Вольнская дружина уходит из боя.

Рубятся русские галицкие, курские дружинники и половцы. Мстиславу в блестящем шлеме бояре кричат: «Волынцы ушли!» Дружина Мстислава отступает, собираясь в плотную массу.

Те части русского войска, что не пошли в бой, пытаются рассмотреть, что происходит на поле перед ними. Из пыльного облака быстрым галопом выезжает сперва дружина Даниила, за ними — дружина Мстислава, потом общей массой — курская дружина, половцы, недобитые татары из передового отряда. Две первые дружины огибают стоящих, остальные скачут прямо на них. Крики, звуки рогов, стоявшие воины поворачивают коней, пытаются расступиться. Свалка. Бегство.

За бегущими с воем и визгом несется легкая кавалерия татар из передового отряда, пускает стрелы.

Даниил на лошади посередине реки, в окружении своих бояр. Отроки быстро и бережно снимают с князя латы, разрезают и бросают окровавленную одежду, подно-

сят ковш с питьем, обвязывают вокруг груди белую ткань, пересаживают князя на другого коня, ведут его через реку. Берег пустеет на несколько секунд, только в камышах валяются тряпки и всякий хлам. Затем — еще одна волна бегущих, шум, крики, плеск воды, кто-то отстреливается из лука, развернувшись в седле.

Еще несколько секунд одинокого качания камышей — и на берегу татарские лучники. С криками бросаются они в воду, река бурлит, конники все скачут и скачут.

Вид сверху. Посреди степи бегущие и преследующие вытоптали широченную дорогу, на которой валяются человеческие и лошадиные трупы, щиты, одежда.

33

На косогоре над рекой высится укрепление со знаменем киевского князя. Часть русских дружинников с конями переходят через мост вовнутрь, за частокол. В это же время десятки обозников, побросав свои телеги, разбегается врассыпную, кто успел отвязать лошадь — на лошади. Люди и лошади кучами бросаются в глубокую здесь речку, плывут на другой берег.

К укреплению с шумом и топотом подваливает тяжелая конница монголов. Лук у них мало, основная масса лучников — легкая кавалерия — ушла за отступающим противником. Начинается кружение вокруг частокола, ленивая перестрелка с осажденными. Солнце прошло полдень.

34

В лучах заходящего солнца — Днепр, от довольно высокого берега отплывает масса больших и малых лодок, плотов с людьми и лошадьми. По берегу бегают люди, сталкивают в воду пустые плоты и лодки. Некоторые рубят днища лодок. Берег пустеет.

Флотилия лодок и плотов плывет к правому берегу. На одной из первых лодок здоровяки-гребцы везут раненного Даниила.

На восточном берегу — новые толпы бегущих, они мечутся, крича, между порубленными лодками, наконец после некоторого замешательства один из вождей уводит большую группу конников вверх по течению по прибрежной отмели. За ними идут остальные. Последние отстреливаются от вышедших к реке монголов. Возвышенности левого берега сильно заросли кустарником, монгольской коннице для преследования противника приходится спуститься к воде и узкой колонной идти по следам отступающих.

35

Солнце садится. Степь, переходящая в луг. В балках — кусты и деревья. Не разбирая дороги, несется всадник. Это знакомый нам отрок Мстислава Черниговского, князя — богатыря, похожий на Чапаева парень с черным кудрявым чубом и маленькими усиками. За ним в отдалении несутся монгольские всадники. Отрок бросил щит, бросил шлем. Ножиком обрезает завязки панцыря, бросает блестящие части на траву. Оборачивает красное лицо.

Дикая погоня на фоне безмятежно-прекрасного пейзажа. В одном месте кусты и деревья поднимаются полосой над обрывом. Через листву внизу блестит вода реки. Отрок, видимо зная дорогу, скрючившись в седле, по едва заметному спуску наконец едет вниз, к воде. Как ни в чем не бывало, запевает соловей. Плеск воды.

Подскакивает погоня. Слева — яр-овраг, справа — постепенное понижение местности, там разросся кустарник. Чирикают птички. Один из монголов, глядя на землю, рванул в одну сторону, другой — в другую. В птичьем пении теряется плеск воды. Крик по-тюркски: «Вот он!» Конники выхватывают луки из налучий, через ветки кустов стреляют вниз.

Ширина реки метров 45. Плышет конь, отрок в белой рубаше держится за седло. Вот они уже у противоположного берега. Не глядя назад, спешно, с шумом выскакивают из воды. Рядом втыкаются стрелы. Отрок ударился ногой о поваленный ствол, шипит, ругается, прихрамывает. Вид снизу вверх: на противоположном высоком берегу за зелеными ветвями кустов, освещенными вечерним солнцем, мечутся всадники. Вид сверху: монголы нашли спуск, один за другим устремляются вниз.

Отрока уже нет, он скрылся в кустах противоположного берега. Монголы стоят, прислушиваются. Солнце заходит за горизонт. Старший погони, оставшийся наверху, сзывает подчиненных. Те поднимаются. «Соберите его доспехи. Запомните: он поплыл, а мы его убили. И коня тоже. Все запомнили?»

36

Вечер. Поле битвы на Калке. Друг на друге лежат половцы, русские, монголы. Между трупов ходят кони. Кое-где уже прыгают вороны. Вот щиплет траву конь с мертвым воином, согнувшимся в седле и обнявшим лошадь за шею. Из спины воина торчат две стрелы. Шлема нет, ветер перебирает волнистые волосы. Это отрок Мстислава — тот, что похож на артиста Скляра.

Вдали горят костры, видны тени людей и коней вокруг них. Это лагерь монголов.

В полуокружении лагеря — укрепление киевского князя. Флаг со святым ликом. Дозорные на стенах напряженно смотрят на огни татар. От одного дозорного к другому ходит князь с эскортом. На земле вповалку спят воины. Вдали волчий вой.

Синий вечер. По балкам, заросшим кустами, по прибрежным пескам Днепра идут и идут на север группами и в одиночку отступающие русские.

Вот прихрамывает, отмахиваясь от комаров, отрок, похожий на Чапаева, ведет коня в поводу. Вид у коня такой, будто ему в прошедший день досталось больше, чем хозяину. Поют-заливаются соловьи.

37

Светает. Холмистая степь. В низинах — кустарники и деревья, вершины пригорков голые, там только трава. У подошвы самого высокого холма в кустах тихо стоят три оседланные лошади. Одна что-то жует, другая положила голову к ней на спину, третья щиплет траву. Здесь еще ночь. На вершине холма — сколоченная из бревен и жердей четырехногая пирамида высотой метров 10. Наверху пирамиды — деревянная площадка с шапкой из веток и соломы. Примерно до середины пирамиды сверху спускается деревянная лестница.

Снизу, из кустов — голос:

— Эй, вы там! Христос и Богородица!

С вершины пирамиды отвечают: «Господи помилуй! А ты кто такой? Стой где стоишь. Сколько вас?» С площадки свешивается лохматая голова, мелькает лук.

— Один я. С Калки. Поджигай свою дымовуху. Побили нас татары.

— Когда побили?

— Вчера.

— Брешешь. До Калки три дня пути.

— Как погонят, так и быстрее добежишь. Ну, прощайте, недосуг мне болтать.

Сверху крик:

— Дыля! Дыля! Вставай, балда, просыпайся!

Из низины, с другой стороны кустов мрачный голос:

— Я не сплю.

Высовывается голова в колпаке, смотрит вверх.

— Не спишь, а что за люди тут ходят? Поубивать бы таких стражников! Лошади здесь? (Слышен дальний стук копыт.)

— Здесь.

Наверху сперва неуверенно, а затем все сильнее разгорается огонь. По лестнице быстро спускаются два человека с колчанами и налучьями за спиной.

«Если лошадей увели, то мы на тебе, Дыля, поедем!» Нижний цепляет за последнюю ступеньку лестницы веревку, ловко съезжает по ней на землю, подступает с бранью к высоченному Дыле. Второй, спустившись, идет в кусты искать коней.

Горит-бушует пламя наверху.

38

Утро. У построенного вчера укрепления рядом с Калкой растоптана трава, кое-где кулями тряпок валяются трупы. В некотором отдалении — лагерь осаждающих: костры, телеги, кони, бунчуки.

Русские за частоколом молятся. У татар из лагеря выезжают легкие кавалеристы. У русских стрелки разбегаются по помостам.

Легкая кавалерия монголов сотня за сотней скачет полукругом вдоль частокола, пускают стрелы. Им отвечают стрелки из укрепления. Вперед выходит отряд татарской пехоты с двумя десятками лестниц и с арканами. За стеной отряд русской пехоты напряженно смотрит на командира на помосте — он стоит с приподнятой рукой и глядит в поле.

Бьют барабаны. Пешие татары под прикрытием конных стрелков ринулись ко рву. У русских на валу и помостах в том же месте — скопление лучников и арбалетчиков. Русские пехотинцы из засадного отряда с помощью веревок перепрыгивают через частокол со стороны реки. На противоположном берегу из кустов выскакивает татарин, кричит и машет руками такому же дозорному шагах в ста от него. Тот подхватывает крик.

В это время штурмующие уже лезут по арканам и лестницам на стену. Засадный русский отряд, обогнув частокол, налетает на татар с фланга, сбивает рогатинами тех, что полезли наверх, затем быстро убегает обратно, к обрыву над рекой. Скачущий на выручку своим еще один отряд монгольской конницы не успевает, разворачивается под стрелами противника. Пешие монголы тоже отступают.

Вновь скачут и скачут вокруг стены сотни лучников. Верх частокола утыкан стрелами. Во рву друг на друге валяются трупы.

39

Русский град над речкой. На «затинном» пространстве еще в полусумраке какие-то люди переносят тяжести, большие поленья, бочки с водой. На заборолах и башне дозорные посматривают в поле, где вдалеке поднимается столб дыма. Кричат петухи. Солнце восходит.

40

Солнце поднимается. Ниже русского укрепления на реке Калке пешие монгольские лучники на бурдюках при помощи веревок переправляются на другой берег. Колчаны и налучья с луками они старательно держат подальше от воды. Переправу прикрывают конные сотни. Русские арбалетчики из-за укрытия стреляют по коннице и по переправе, кое-кого достают их стрелы.

41

Солнце поднимается. Пыль. Грязная конница отступающих русских проходит через совершенно опустевшее село. В пыли на телегах трясутся раненые. За забором лает привязанная и забытая кем-то собака.

Снова град над речкой. Бабы впопыхах собирают развешанное белье. Вооруженные люди стоят на заборолах. С заборол и башни видна разворачивающаяся вдалеке лента чужого войска. Разговор на забороле: — А где наш князь? Где бояре Шишки? Где Головень? Кто боем руководить будет?

— А ты что, не знаешь? Али только родился? Наш князь так рано не просыпается!

— Князек молодой, всю ночь на какой-нибудь бабе скакал, утомился! — Семкова чернявка надоела, так Шишка ему белянку нашел! — Проснулся, почесался, с боярами поругался, наелся, напился — снова спать завалился!

— Ха-ха-ха!

— Гуси вы лапчатые! Только бы «Га-га-га!» Ты, Драчка, на страшном суде будешь скакать и гагакать! Господи помилуй! Такая сила поганская!

— Сотский! Сотский! Сотский где?

— Был здесь, ушел!

— Куда ушел? Где копейщики? Кто стрелы подавать будет?

— Господи, спаси нас и помилуй!

— Где сотский? Где бояре? Под бабские юбки попрятались?

43

В проемы галереи терема, расположенной высоко над градом, заглядывает утреннее солнце. Разбросанные по полу одежда и обувь. На одре, застланном блестящими шкурами, на пышных подушках под пестрой шубой нежно целуются, шепчут ласковые слова похожие на ангелочков белокурые юноша и девушка. Где-то рядом поют птички, воркуют голуби.

Распахивается низкая дверь, вваливается здоровый чернобородый боярин в длиннополом суконном жупане.

— Вставай, князь! Одевайся скорее! Уходим!

Бьет колокол.

Юноша смотрит то на него, то на девушку. Та натягивает шубу под подбородок.

— Я не понимаю тебя, Шишка!

— Потом, князь, потом! Рубаху надевай! Пошли! Важное дело! Срочное!

Без тебя никак! Потом оденешься! Селезень! Подбери одежду князя! Пошли-пошли! Тянет князя за руку.

Девушка вскакивает из-под шубы, хватается за парня:

— Ладушка!

Боярин на ходу, разворачиваясь, с силой стегает ее плетью. Становится видно в расстегнутый ворот, что под жупаном у боярина кольчуга. Девушка падает. Бьет колокол.

Слуга, переступая через лежащее тело, входит, собирает одежду и сапоги, выходит.

Перед стеной города уже скачут отряды лучников. Идет перестрелка.

У нападающих готовится к штурму небольшой отряд пехоты, воины смотрят на старшего, ждут команды. Старший — маленький сморщенный монгол, спокойно сидит на коне, молчит.

У обороняющихся с этой же стороны на городне и на лестницах, ведущих на нее позади лучников, собираются и теснятся копейщики и топорники, готовые к отражению атаки.

Среди монголов движение. Старший махает плеткой, из рядов конников, которые были позади пехоты, отделяется часть. На каждом коне сидят по два человека с ко-

роткими копьями. Эти конники быстро отъезжают метров на 200—250 от остальных сил, там половина из них спрыгивает с коней, быстро строится, подхватывает привезенные туда же другими всадниками лестницы, быстро, с воплем бежит к стенам. Их крик подхватывают все татары.

На заборолх замешательство, все с шумом и топотом бросились туда, где началась атака.

Крики:

— Там Шишка гнилое дерево положил!

— Я говорил — гнилье везешь! А он мне палок!

— Не напирай! Свалимся!

— А поганые-то все знают! Кто сказал?

Страшный треск. В клубах пыли одна городня съезжает под тяжестью стоящих на ней людей вперед по склону и заваливается. Общий вопль. Татары, осыпаемые стрелами, лезут на вал, обходят или перелазят через обвалившуюся городню. Их встречает десяток подбежавших горожан-топорников. Со всех сторон к пролому еще бегут люди.

44

По узкой, мощеной расщепленными бревнами улице скачет дружина. Кони не могут разогнаться в тесноте. В середине — юный князь в рубашке и красном плаще. Кто-то, завидев конников, прячется. Мужик в белой одежде и с топором в руках кричит с крыши из-за забора: — Бежишь Шишка? А за гнилье расплатиться не хочешь?

Сразу три дружинника на ходу стреляют в мужика из луков.

Крики из-за углов, из-за частоколов:

— Шишка бежит!

— Шишка утекает!

— Гнилая городня! Шишка вор!

Кто-то бросается на дружинников с рогатиной. Те машут мечами. Из-за заборов на притормозивших воинов летят камни, поленья, всякая дрянь.

Бьет колокол.

Воротная башня уже близко. Воротники открывают створку, потом сами быстро садятся на приготовленных лошадей, выскакивают в поле. К воротам бегут бабы и подростки с криками, визгом и свистом, потрясая вслед дружине палками и топорами. Бьет набат.

На валу в проломе стены рубятся топорами горожане с татарами. По знаку начальника монголов к стене града бежит еще один отряд татарской пехоты. Бьет набат.

40

Снова укрепление киевского князя на Калке. Теперь стрелы летят на русских с двух сторон. Арбалетчики осторожно выглядывают из-за частоколов, сами стреляют экономно, наверняка.

У татар снова готовится к штурму пехота. Сидя неподвижно в седле, за боем наблюдает Субедей. Позади него на полкорпуса коня три знаменщика поднимают, трясут, опускают разные бунчуки.

Впереди татарской пехоты становится конная сотня. Конные лучники все так же скачут перед укреплением.

Субедей крутит в воздухе пальцем. Знаменщики машут бунчуками. Конники начинают разгон, за ними — пехота.

В укреплении падает подъемный мост. По нему бегут копейщики с длинными копьями и щитами, копейщики с рогатинами, лучники. Быстро выстраиваются перед ровом плотной массой. копейщики втыкают длинные копья тупыми концами в землю

так, что они «ежиком» смотрят во все стороны. Рядом с ними — копейщики с рогатинами. За их спинами становятся лучники. Приближающаяся под прикрытием конницы татарская пехота теперь обстреливается и со стены, и с фланга — с поля. Пеших татар больше, чем русских у рва, но они отягощены лестницами. Вместо быстрой атаки на частокол нападающие теперь вынуждены вести бой с полевым отрядом. Русские пехотинцы, выскакивая из-под прикрытия длинных копий, колют рогатинами коней и людей противника. Две конные сотни татар скачут, визжа и размахивая саблями, на подмогу своим. Из укрепления к русским пехотинцам тоже подбегает помощь.

В стане татар ударили в барабан. Их пешие и конные отряды с потерями отходят от стен.

Русские пехотинцы, бегая по внешней стороне вала, выдергивают из песка и из частокола татарские стрелы, с охাপками бегут назад, в укрытие. Поредевший пеший отряд отходит к воротам.

46

Снова осажденный город. Уже полдень. Татары прорвались сквозь пролом на улицы. Идет бой между частоколами и во дворах. Многие из нападавших уже занялись грабежом. Дикий рев скотины, вопли, визг, бой набата. Горят несколько хат. Дым то поднимается, то вновь опускается, скрывая картину боя.

47

Вторая половина дня. Убегавшая из города дружина с полуодетым князем с шумом вброд переправляется через реку. Князь — в плотном кольце воинов. Основная часть дружины выходит на противоположный берег, мелькает в прибрежных кустах. По приказу Шишки в воде на неглубоком месте возле берега остаются 15—20 лучников. На противоположной стороне появляется татарская погоня, начинается перестрелка через реку. Арьергард русских, не пуская татар к воде, медленно поднимается на берег, уходит в кусты. Татарский отряд идет вдоль берега по противоположной стороне, пуская стрелы. Место переправы пустеет. Вновь защebetали птицы, светит солнце, отражаясь зайчиками в мелкой волне. На песке остались лежать три человеческих трупа. Вот лошадь лежит наполовину в воде, издыхая, дергает копытами. Вода вокруг нее окрашена кровью, плывут по течению маленькие кровавые буруны. На песчаных откосах берега — солнечные блики. Вовсю поют жаворонки.

48

Вторая половина дня. В косых лучах солнца — волны ковыля. Наплывает вытопанное поле с необранными людскими и конскими трупами, над которыми вьются вороны. Трупы уже ободраны — без брони, многие без сапог и даже без верхней одежды, если они чистая и не рваная. Совсем недалеко мирно пасутся стреноженные татарские кони*. Лошадей сторожат два пастуха в войлочных шапках и меховых безрукавках. Один сидит на лошади, смотрит в степь в сторону лагеря, а другой повосточному уселся на земле, он подбрасывает вверх небольшой кинжал так, чтобы он втыкался острием в землю. Издалека накатывает шум от множества людей: там татарский лагерь, а за ним городок, укрытие русских на Калке. Местность вокруг городка вытоптана полностью, в косых лучах солнца напоминает то ли пустыню, то ли лунный ландшафт, то ли свалку. Там и здесь валяются трупы, конские и человеческие, если трупы лошадей похожи на лошадей, то мертвые люди больше напоминают кучи тряпок. Ближе к стене трупов больше. В одном месте не очень глубокий ров

* У каждого народа свой способ спутывания коня.

заполнен убитыми до верха. Впечатление — как от кучи мусора. Ветер шевелит лохмотья одежды и волосы.

Частокол утыкан татарскими стрелами. Внутри, за тыном, идет панихида по убитым, которые лежат на плащах-корзнах в линию перед вырытой ямой. Два-три десятка воинов дежурят с арбалетами и луками на помостах, еще три-четыре сидят между горящих костров с котлами воды, остальные (их все еще много, несколько сотен) столпились вокруг священника и князей. Одни из воинов безоружны, только в доспехах, другие с оружием — рогатинами и мечами. Священник говорит последние слова прощания. Все крестятся, а затем, разобравшись по четыре человека, за концы плащей несут убитых к могиле. Раненные, которыми заполнены четыре шатра и телеги (некоторые лежат и на земле), приподнимаются, чтобы лучше видеть.

В это время снаружи по дуге к стене вновь летит татарская сотня. арбалетчики кричат: «Поганые!» «Поганые!» По этому крику часть воинов из толпы спешит на помост. Арбалетчики подхватывают по паре самострелов на плечи, бегут в то место, откуда лучше всего стрелять. Там они выпускают по стреле сперва из одного арбалета, потом из другого. Тут же по лестницам подбегают помощники, начинают взводить самострелы и стрелять из луков.

В набегающей плотной массе татарской конницы, окруженной клубами пыли — замешательство, там появляются разрывы. В пыль падают убитые и раненые, которые стараются отползти прочь. Тут же, в пыли, бьются две раненые лошади. Татары все-таки выпускают свои стрелы, которые стучат по частоколу, залетают внутрь укрепления. С обратной стороны, из-за реки, тоже начинают сыпаться стрелы засадного татарского отряда.

Один из русских на затинной площадке падает с тихим вскриком: его достала-таки татарская стрела. Его поднимают, осматривают, выдергивают стрелу, слушают, пытаются оживить: «Погоди, может, он еще дышит!» Затем, уверившись, что он мертв, несут по лестницам вниз и кладут среди еще непогребенных мертвецов. Священник торопливо читает над ним молитву.

49

Субедей-багатур в шелковом халате с величественным и бесстрастным видом сидит на помосте, составленном из скамеек и телег и покрытом пестрыми коврами. С трех сторон — здоровенные полуобнаженные «качки»-охранники с голыми саблями. За их спинами на почтительном расстоянии — любопытствующие татарские воины.

Перед помостом на коленях стоят пятеро русских — очень крепкие молодые усахи, стриженные «под горшок». За их спинами стоят одетые в богатые халаты вооруженные монголы. Русские поджалась, втянули головы в плечи.

Субедей, бесстрастно, но четко выговаривая слова, произносит фразу по-татарски. Русский, стоящий впереди всех (это Плоскиня), поворачивается, пытается взглянуть на татарина, возвышающегося за его спиной. Тот останавливает его легким толчком кнутовища в спину и говорит по-русски, так же, как и начальник, бесстрастно и четко: — Гляди вперед, не поворачивайся. Начальник спросил — уверен ли ты в себе и в своих людях?

— Да, конечно, да, клянусь! Все будет как надо! Лопни глаза! — Плоскиня крестится.

Другие русские тоже порываются что-то сказать, но татары, стоящие за их спинами, стучают их сзади кнутовищами. Те умолкают и снова сжимаются.

Субедей спокойно, как робот, произносит еще одну фразу.

Переводчик говорит в спину Плоскине:

— Если у тебя что-то не получится, мы уьем всех в твоём улусе.

Плоскиня трясет головой, клянется, божится, тут же богохульствует, достает нагельный крестик, целует его, повторяет по-тюркски: «Все сделаем!»

Субедей переводит взгляд с Плоскини на переводчика, неподвижное его лицо вдруг чуть-чуть улыбается и подмигивает. Переводчик тоже вежливо улыбается. Затем оба вновь каменеют. Субедей командует по-татарски: «Увести!» Русских сзади хватают за шиворот и разворачивают, потом толкают кнутовищами. Несколько шагов они ползут на карачках, затем встают, отряхивают штаны. Смыкаясь, их закрывает ряд охранников.

50

Вновь вытопанное и покрытое трупами поле перед укреплением русских. Солнце садится. В татарском лагере бьют барабаны, по их сигналу отряды конницы, весь день по сменам скакавшие вокруг стен, подтягиваются к табору. От лагеря к стене укрепления, поднимая пыль, спешит белокурый юноша как бы сошедший с полотен Нестерова. — Братцы! Дяденьки! Не стреляйте! Я русский! Ради Христа, не стреляйте! Не стреляйте! Христом-Богом прошу! Я русский!

Несколько секунд полной тишины. Парень переминается с ноги на ногу в пыли перед осыпавшимся краем рва.

Голос из-за частокола:

— Ты кто?

— Евгений я, отрок Плоскини,— на лице парня неподдельный ужас.— Только не убивайте! Не берите греха!

За частоколом движение. Не очень вежливо расталкивая воинов, на помост по лестнице поднимаются Мстислав Киевский, его подручные и свита. Лица у всех за стеной уже несколько похожи на лица шахтеров.

Князь переглядывается с воином, который до этого разговаривал с отроком: «Говори!» Воин кричит:

— Зачем ты пришел сюда, рабский раб?

Ангелоподобный юноша в пыли — яркий контраст с почерневшим от двухдневного боя воином. Вечерняя тень от стены постепенно подползает к его ногам, тем лучше видно ясное лицо.

— Плоскиня хочет говорить с вами! Ему есть что сказать!

Воины, бояре, князя за стеной переглядываются. Мстислав спросил тихим голосом:

— Бояре все здесь?

Такие же тихие голоса: «Крапивку и Кореня ранили. Филимона нет». — Думайте, бояре, ваше право. Скажи отроку, чтобы подождал. Воин кричит: «Стой и жди!»

Юноша стоит и ждет. Тишина. Солнце опускается к частоколу. В небе кружат хищные птицы. Из лагеря татар через составленные друг за другом арбы за происходящим наблюдает множество людей.

Вдруг юноша бросается бежать назад. Еще не добежав, кричит: «Иди, Плоскиня!» От татар к укреплению скачут пять всадников. Это давешние русские, что разговаривали с Субедеем. С ними татаре — два знаменосца, барабанщик и еще один парень в богатом халате. Русские одеты нарядно, в меховые шапочки с красным верхом и в подобие польских расшитых кунтушей голубого и зеленого цвета.

Подъезжают. Из-за частокола глухой голос князя Мстислава: — Плоскиня, бродник и вор, чего ты хочешь?

— Мне, броднику, большая честь говорить с князем! Гулял я в степи, как вольная птица! Всякое бывало, не скрою! А теперь прислал меня великий каган к тебе спросить: чего тебе сидеть здесь, в грязи, в пыли? Иди назад, на Русь, володей своими смердами и рабынями, тебе дорога открыта!

— Хорошо говоришь, Плоскиня! Да только скажи — чем ты сам отличишься от холопа? Невольнику, сам знаешь, веры нет!

— Со мной мое знамя!

— Скоморох на торгу тоже может скакать со знаменем!

Секунды две — молчание.

— Со мной сын Джебе — багатура. Он подтвердит мои слова!

Молодой татарин выезжает вперед.

За частоколом Мстислав тихо распоряжается:

— Пехоту с луками — на выход! А ты, — он поворачивается к ближайшему арбалетчику, — бери на прицел его коня!

Арбалетчик выполняет приказ. Отроки сбегают с помоста, поднимают отдыхающих у костров воинов, ведут к выходу. Отроки — стремительны, будто и не устали, стрелки — заторможены и измотаны. Мстислав: «Думайте, бояре!»

Тихие голоса: «Пусть говорит! Мы послушаем!»

Мстислав — Плоскине: «Говори дальше!»

— Субедей-багатур говорит, что отпустит тебя с твоими людьми и лошадьми! На день пути, не пролив ни капли твоей крови! Я сказал слово в слово!

— А где Джебе?

— Погнал ваших бегунов и хороняк за Днепр!

Мстислав тихо: «Думайте, бояре!» И громче:

— Плоскиня, ты ничего не сказал про оружие!

К Плоскине подъезжает сзади знаменосец-татарин, это тот самый воин, что стоял за его спиной при разговоре с Субедеем, тихо чеканит по-русски:

— Солнце скоро сядет. Торопись.

Плоскиня: «Субедей пропустит тебя, Мстислав, с твоими людьми, лошадьми, оружием и обозом! Не веришь? Боишься?»

Мстислав: «Ты говоришь лишнее, Плоскиня!»

Пауза.

Плоскиня внезапно соскакивает с коня, снимает шапку, поводья передает татарину, выходит вперед, становится на колени. Шипит через плечо своим русским спутникам: «Что расселись? Слезьте!» Остальные русские тоже слезают с коней, передают поводья татарам, становятся на колени рядом со своим начальником. Плоскиня кричит: — Князь, я, может, и делал что-то в жизни не так, но я во Христа верую! Смотри! Вытаскивает крест:

— Я целую крест на том, что Субедей выпустит вас всех с оружием, лошадьми и обозом! Он не двинется с места, пока солнце будет на небе! Он не прольет ни капли твоей крови! — Целует крест.

Остальные русские повторяют то, что делает Плоскиня.

— Мстислав! Я землю ем на том, что сказал правду! — Хватает из-под ног пригоршню песка, старательно жует. Остальные русские тоже жуют и глотают песок.

На помосте за частоколом из группы бояр тихий спокойный голос: — Надо соглашаться, князь. Воды у нас мало.

Мстислав оглядывает всех своих советников:

— Кто еще что скажет?

Татарский лагерь.

В ближайших к русскому городку линиях все по-прежнему, а в глубине воины и погонщики запрягают арбы и уезжают в степь. Все делается тихо, арбы не скрипят. Несколько татар на переднем плане обвязывают копыта коней тряпками. Солнце уже заметно садится.

Солнце село. Русские, вышедшие из городка, подошли к реке (это не Калка, теперь — Кальмиус, а ее приток либо речка Волчья, примерно в 20-ти км от Кальмиуса), начинают переправу через широкий брод. Зажигают три-четыре факела. Первыми переправляются конные сторожа, за ними идут телеги с ранеными. Они не успевают дойти до середины реки, как слышится глухой шум, сторожа кричат: «Татары!» Через несколько секунд, в течение которых часть русской пехоты пытается выстроиться на одном берегу, а другая часть бросается в воду и, обгоняя телеги, по грудь в воде спешит на другой берег, налетает татарская конница, сначала с противоположного берега, а затем — и с того, откуда русские начали переправу. Крики, ругань, ржание. Русские пехотинцы-копейщики в воде под градом стрел. Мечутся испуганные лошади, переворачивая повозки. Копейщики спешат на противоположный берег, теряя людей в воде. А там охрана уже почти перебита, разъезжают татары с саблями, все стреляют лучники.

На тот берег, с которого русские начали переправу, прибывают татарские арбы с пехотой. Пехотинцы с веселыми криками распрягают свои повозки, разворачивают их, катят с разгоном с береговых высот на выстроившихся на берегу русских копейщиков и лучников. За теми, кто катит арбы, бегут люди с саблями и арканами. Здесь же много конников с арканами. Русские копейщики стоят, уткнув копья в береговой песок. Между ними и за ними — лучники, которые беспрерывно стреляют. За их спинами в воде и на противоположном берегу — побоище. На русских летят с двух сторон стрелы, под ноги им падают горящие факелы.

В стороне, на возвышенности, освещенной луной, красным закатом и отблесками огней, за боем наблюдает татарский военный начальник в окружении свиты. Глаза его блестят, он довольно улыбается.

Русское укрепление на Калке. Мечутся десятки факелов. В их свете сотни людей в папахах, в лисьих малахаях, в сапогах, в ичигах, в широких и узких штанах разбивают частоколы и настилы для стрелков, тыкают землю копьями, роются, ищут спрятанные вещи.

Слышен бой барабанов. Все высыпают за разбитые ворота. Два ряда конников ведут на веревках русских пленных, их много, две или три сотни. Вокруг — радостные крики. Татарские воины — и те, что разрушали укрепление, и те, что остались в лагере — подпрыгивают, приплясывают, бросаются в пленных песком.

Перед выехавшим в лагерь Субедем пеший воин, поломав древко знамени Мстислава Киевского, срывает с него полотнище со святым ликом. Ткань не поддается. Тогда татарин обрезает его кинжалом, радостно вертит им, трясет, как бы выбивая из него пыль.

Субедей спокойно наблюдает за кривляниями воина, а затем так же спокойно говорит через плечо по-тюркски: «Забери». Из тени выезжает блестящий воин свиты, его кольчуга и сбруя коня сияют в свете костров и факелов. Этот всадник кажется едва ли не в два раза более крупным, чем старик Субедей. Свитский молча протягивает руку пехотинцу. Тот так же молча покорно отдает ему знамя.

На широкую утоптанную площадку, окруженную пламенем многих костров, татары тащат связанных русских, валят их на землю. Тут же подбегают другие татары, вяжут пленникам ноги. Третью забивают в землю заранее заостренные колья так, чтобы пленные не могли шевелиться. Четвертые тащат колья и доски от разбитого укрепления, укладывают их на русских. Пятые сбивают и связывают эти доски и колья в большой помост. В тени жестикулирует толстый татарин, жесты его энергичны,

как у футбольного тренера или прораба на стройке, зато команды коротки и негромки. За всем этим бесстрастно наблюдают выстроившись подковой вокруг площадки всадники из свиты Субедей. За их спинами — сотни огней, в лагере — гулянка, шум, дежес нагробленного. Один из свитских поднимает руку. В темноте за его спиной бьют барабаны. Разгул вокруг костров утихает. Воины кто в чем, кое-кто — заметно шатаясь, собираются к сколоченному помосту в окружении костров.

На помост вступает татарин, который разговаривал с Плоскиней и, обращаясь к себе под ноги, громко говорит по-русски:

— Ты был не прав, Мстислав. Ты убил наших послов. Но мы не такие, как ты. Мы держим данное слово. Тебе было сказано, что ни капли твоей крови не прольется. Можешь сам убедиться, что это правда.

Воин сходит с помоста, отдает приказание по-тюркски. Тут же подбегают слуги, расстилают на помосте ковры, на середину кладут знамя киевского князя, на него ставят миски и блюда с мясом и рисом, кувшины с кумысом и вином, ложат овощи. В костры подбрасывают охапки дров. Огонь поднимается выше. На помост вбегает шаман с бубном, творит свои заклинания, затем подбирает пальцами с блюд куски кушаний и, сойдя с помоста, бросает их в огонь костров.

Под радостные крики толпы воинов из-за оцепления на помост в окружении ближней стражи с обнаженными саблями входят Субедей, как старший, за ним Джебе, за ними — тысячники. Темники садятся в голове, между ними протискивается шаман. Тысячники рассаживаются по бокам помоста. Все с каменными лицами смотрят перед собой. Субедей, так же, как и все, ни на кого не глядя, говорит по-монгольски: — Ташу, сколько воинов выбыло у тебя во вчерашнем бою?

Один из тысячников, человек средних лет, небольшого роста и плотного телосложения, с круглой, бритой, как шар, головой и тоненькой косичкой сзади, осторожно переводит глаза на начальника, слегка наклонив голову, отвечает:

— Шестьсот тридцать два.

— Встань и иди сюда.

Тысячник медленно, как бы в полузабытьи, поднимается, идет к начальству. Остальные тысячники провожают его настороженными взглядами.

Субедей немного отодвигается в сторону.

— Садись, покушай с нами.

Тысячник медленно садится между Субедеем и шаманом. На его вспотевшем лысом черепе пляшут блики от костров. Внезапно еще больше, чем отсветами огня, лицо воина озаряется торжеством. Остальные его коллеги переглядываются. Субедей, сопя, озабоченно роется в блюде с мясом, достает лучший, как ему представляется, кусок, вкладывает в загодя разинутый рот тысячника, а затем облизывает пальцы и вытирает руки о наброшенное через шею полотенце. Воин жует, жмурится от удовольствия. Остальные наблюдают за ним: Субедей — спокойно вытирая руки, Джебе — дружески-покровительно, остальные — почтительно. Слуга приносит круговую чашу. Из нее пьют по очереди Субедей, Джебе, шаман, обласканный тысячник, затем она идет по часовой стрелке.

Снова утро. Поднявшееся уже достаточно высоко солнце освещает неукрепленную слободу с белой кирпичной церковью посередине. Патриархальную картину соломенных и камышовых крыш с дымками, садочков, частоколов и плетней с горшками и бельем, колодезных журавлей, портит колокольный набат.

По деревянной мостовой идет скорбный крестный ход: священники с крестами, «лучшие люди» с иконами. Сапоги, лапти и чуни друг за другом переступают с плах мостовой в пыль. Из-за калиток и «вешниц» высовываются перепуганные лица баб.

Какая-то баба суетливо снимает и бежит прятать развешанное на просушку белье. Процессия выходит за ворота в конце селения, загораживающие улицу. Уныло звенит колокол у церкви. Толпа за воротами увеличивается, но не идет вперед, а как бы растекается вправо и влево от дороги, словно бы пытаясь обойти какое-то препятствие. Перед процессией на пыльной обочине — почерневший придорожный крест, а далее, больше, чем в полукилометре, видна среди еще невысоких зеленых хлебов длинная колонна всадников. Вид от войска на то же селение — похоже на сказочный городок на пологой возвышенности с церковью и множеством фруктовых деревьев. Всадники — это монголы, впереди — начальник под бунчуком. Окружающие его воины показывают пальцами на выходящую из ворот селения толпу, оживленно переговариваются. Слышен бой набата, унылое нестройное пение людей из крестного хода. Воины бросают друг другу недоуменные вопросы по-тюркски и по-монгольски: «Что это?» «Что они делают?» «Зачем поют?» «Что нам показывают?» — «Не знаю». — «А может, это похороны?»

Колонна замедляет ход. Задние лезут на передних. В момент растерянности вперед выезжает сотник: «Что стали? Испугались? Вперед!!!» Разворачивается, выхватывает саблю, поддает плетью, пускает коня в галоп. Знаменосец трясет бунчуком, затем скачет за начальником. Растерянные лица воинов каменеют. По рядам пошла волна взмахов плетью. Колонна, не разворачиваясь в боевой строй, летит к селению.

55

То же селение. К тыну привязана монгольская мохнатая лошадь. Светит солнце. Воют собаки, ревет скотина. Из ворот-вешниц выбегает хозяин лошади, тяжело тащит два кожуха, кидает ей на спину. Лошадь поднимает голову, кожухи падают на землю. Хозяин, ругаясь по-татарски, возвращается, отвязывает от седла веревку, обкручивает ею добычу. Мимо проезжает на лошади еще один татарин, тащит за собой на веревке связанного человека в одних штанах, на шее пленного надет блестящий оклад от иконы. Конный останавливается, смотрит на первого татарина, смеется: «Что, приятель, опять добычу потерял? Ха-ха-ха!» Тот краснеет, злобно скалится. Увидев, что подколка дошла до цели, второй татарин, отъехав немного, еще громче смеется: «Ты бы лучше отдал это комунибудь! Вот мне, например! Все равно ведь потеряешь или пропьешь!» Лают собаки. Мычат коровы.

В разбитые ворота большого двора, образованного несколькими разными по высоте избами, въезжают два молодых монгола. Договариваются между собой: «Ты — туда, я — сюда! Только быстро!» Спрыгивают с лошадей, привязывают их к тыну так, чтобы не было видно с улицы. Вынимают сабли, расходятся.

Один из этих воинов осторожно идет вдоль стены одного из домов. Его кольчуга сияет на солнце. Земля устлана опилками, пружинит под ногами. Воин, глядя на дверь, ощупывает аркан, обкрученный через левое плечо, затем поднимает с земли большое полено, осторожно всходит по ступенькам вверх к низкой двери, распахивает ее, бросает в темноту полено, затем прыгает туда сам.

Несколько секунд полной тишины. В двери вновь появляется воин, обвернутый какой-то красной материей, как индианка сари. Аркан он уже несет в руке. Воин оглядывается на крыльце. Опять лают и визжат собаки. Воин спускается, идет дальше.

В следующей постройке, по-видимому, — хлев и сеновал. Татарин тихо заходит в ворота, видит кучу сена, возвращается на улицу, жмурясь от солнца, достает из-под обкрученного вокруг кольчуги атласа кресало, снова идет внутрь, садится на корточки в углу, стучит кремнем.

Потянуло дымком, монгол поднимает с земли свою саблю, отходит в темный угол. Внезапно, заслышав шорох, прыгает с саблей к воротам.

Вновь двор, залитый солнцем. Давешний татарин быстро тащит из ворот сенова-

ла за волосы блондинистую босую девушку-пышку, одетую в рубаху и поневу. Девушка упирается, кашляет, визжит, снова кашляет. Из ворот выбивается дым. То вблизи, то вдали ревет скотина, лают собаки.

Татарин бегом-бегом тащит девушку к лошади, дает ей подсечку, она валится в грязь, а он, бросив саблю, прыгает ей на спину, заламывает руки, завязывает концом аркана, а потом, подняв добычу как мешок, бросает на спину лошади. Затем отвязывает поводья, подбирает саблю и, вытерев ее о свешивающийся подол девушки, засовывает ее в ножны. Прыгает в седло. Деловито подбирает волочащийся по земле аркан, освобождается от накрученной поверх брони атласной ткани.

На шум выскакивает второй татарин, озирается тревожно, но, увидев компаньона, успокаивается.

Первый, улыбаясь:

— Уходим, сейчас все сгорит.

Второй тащит привязанных за шеи трех овец. Держа веревку в руке, садится на лошадь. Говорит:

— У тебя хорошая добыча.

Выезжают из двора, над которым стелется дым. Девушка очнулась, снова начинает кричать и бить ногами. Первый татарин спокойно, с улыбкой несколько раз сильно стегает ее плетью. Та затихла.

Два всадника по-приятельски спокойно едут рядом. За одним бегут привязанные овцы. Разговор.

Второй:

— Ты не знаешь, зачем это те люди в черном махали на нас крестами?

У них что, оружие такое?

Первый: — Не знаю. Думаю, эти люди глупы.

Второй: — А может, это у них были шаманы?

Первый: — Не знаю. У этих были еще красивые кресты на шее. Ты видел?

Второй: — Да. Глупые люди. (Пауза. Скосил глаза.) У тебя хорошая добыча. Дашь попробовать?

Первый, после молчания, улыбаясь: — Ладно. Готовь угощение.

Светит ласковое солнышко. Двое всадников тихо едут по пыльной улице. Их лошади спокойно переступают через лежащий поперек дороги труп. За ними так же спокойно переступают через труп и привязанные овцы.

Вокруг бегают, что-то тащат, кричат мародеры, лают собаки, ржут лошади. Какой-то человек залез на крышу храма, пытается с лестницы топором прорубить окрасенный блестящий полусферический купол. Над крестами кружат вороны.

56

Поле боя при Калке. В беспорядке валяются ободранные трупы людей вперемешку с лошадиными, поломанное оружие. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

Разрушенный и по большей части сожженный город. Глиняные печи без труб на пепелищах. На валу гнилыми зубами стоят сохранившиеся городни. Ободранные трупы. На коленях рыдает-голосит старуха. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

Догорает поселок. Закопченные стены церкви. Пробитый купол, окна без стекол. Увядшая листва садов. Перед въездом на улицу — много трупов, в том числе — священники в черных рясах. Кружат хищные птицы. Ярко светит солнце.

За кадром диктор читает известный отрывок из летописи, что пришли неведомые народы — то ли татары, то ли туркмены из дальних стран, с края света.

Степь. Солнце заходит. В оранжевом сиянии колышутся волны ковыля. Скачет табун лошадей. Волны спин, голов, хвостов. Солнце заходит.